

An illustration of a young man and woman sitting on a wooden bench in a log cabin. They are facing each other, looking at each other. Between them is a black wood-burning stove with a fire burning inside. The man is wearing a green and brown patterned sweater and blue jeans. The woman is wearing a red patterned sweater and blue jeans. The background shows wooden walls, a shelf with various items, and a window on the left. The floor is made of wooden planks with a patterned rug.

Ульяна Берёзкина

Все работы
хороши

Ульяна Берёзкина

Все работы хороши

<https://litres.ru/73977364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Евгении двадцать и она – провал в безупречной династии медицинских работников. Выучившись в колледже на дизайнера, Женя работает в рекламном агентстве и воспитывает хомяка Кешу. Мите – семнадцать и он, напротив, продолжает семейную династию железнодорожников и собирается поступать в институт. Но пока, летом, планирует поработать курьером. А вот и вакансия в рекламном агентстве, с которым Митю ещё и связывает некая тайна. На собеседование в курьеры Митя опаздывает, зато оказывается неожиданно подходящего типажа для съёмок нового ролика Митя с Женей очень разные и всё что их связывает теперь – работа и внезапно возникшие обоюдные чувства. Роман-взросление, роман о первой любви, об обычных молодёжных радостях и проблемах.

Ульяна Берёзкина

Все работы хороши

1

Здание было куда больше, чем представлялось мне по снимкам в журнале и интернете. Огромная башня из стекла и бетона. И где-то там, на двух этажах, нужный мне офис. Выбравшись из душной маршрутки, я уставился на это здание издалека. Оставалось сказать что-то вроде «так вот ты какой, северный олень». Впрочем, говорить теперь можно было всё что угодно. И сколько угодно. На собеседование я опоздал. Предгрозовая духота достигла последней степени. Наверное, это знак. Цепочка знаков, намекающих мне, что соваться в эту «Дриаду» не следует, началась утром с молчащего мобильного. Он должен был сообщить, что уже восемь и пора бы проснуться, но ночью разрядился. Повлиять на моё пробуждение он никак, конечно, не мог, потому что открыл глаза я по привычке по омскому времени и потом только вертелся на скрипучем тёткином диване, пока не плюнул на это бессмысленное занятие. Встал и ещё миллион лет сидел на кухне, доливая себе чай и разглядывая в окно окрестные многоэтажки – целую армию одинаковых панельных монстров. В каждом девять этажей, в каждом толпа народу. Седьмое утро я просыпаюсь здесь и всё никак не привыкну. И каждый день начинается одинаково – с чая, раз-

дражения и малодушного желания купить билет на поезд и свалить отсюда к чёртовой матери. Желание это я всё-таки подавлял. Документы в институты поданы, баллы ЕГЭ у меня не то чтобы блестящие, но на какой-то из выбранных факультетов хватит. Но главное – я поклялся деду, что через пять лет привезу ему диплом... Отключившийся будильник этим утром ничего не изменил, но знаком считаться всё-таки мог.

Когда чай уже норовил политься у меня из ушей, в дверь постучала соседка. Звонок не работал, и она просто колотила по дверному полотну. Соседка была первой моей московской знакомой. Это женщина обладала какой-то просто фсбшной бдительностью – отследила моё появление в квартире раньше, чем я сам осознал, что теперь уже не дома, не в поезде и не волокусь по Москве в нужный район. Даже пройти из прихожей в комнату не успел, только разулся. В первый визит она сообщила, что зовут её Галина Михайловна и что тётя Ира брала у неё попользоваться кухонный комбайн и ещё какие-то мелочи, да так и не вернула. Пройдя мимо меня, соседка принялась разыскивать своё имущество, а мне вручила оранжевую бумажку – счёт за электричество. Объяснила, что я обязан его как можно скорее оплатить.

Теперь, приоткрыв дверь, я получил под нос красную бумажку. Галина Михайловна повышенным тоном объяснила, что после красной последует визит электрика и свет мне отрубят. Волновалась при этом так, словно будет сидеть в тем-

ноте вместе со мной. Да, в последнее время сестра моего дедушки, от которой ему осталась вот эта квартира, болела и ликвидировать задолженность по коммунальным услугам не сочла нужным. Теперь квартиру дед унаследовал, а долги сразу оплатить я не мог, и даже назвать их сумму деду язык не поворачивался. И это ещё возбудились только энергетика, наиболее нервные среди всех поставщиков услуг. Долги были и за отопление, и за воду, и вообще за всё, причём не только накопленные тёткой, но и начисленные за время после её смерти. А дед о них не подумал. Значит, платить мне. Сделаю это постепенно, всего лишь нужно найти работу. Раз уж дед выгнал меня в Москву и велел стать первым в семье, кто получит-таки высшее образование и будет жить, с его точки зрения, прилично, начинать придётся именно с работы. Ну а если ничего не получится, пущу в одну из комнат иногороднего абитуриента, которому меньше повезло с жилплощадью. Или двух. Нет, двух, пожалуй, будет много. Даже один посторонний человек на моей территории меня не вдохновлял. Сейчас состав семьи я считал идеальным – я и велосипед. Велосипед был первым моим приобретением, за ним я отправился, едва соседка удалилась тогда к себе с кухонным комбайном под мышкой...

Велосипед же и стал вторым тревожным знаком в цепочке. Решив претендовать на место курьера в рекламном агентстве «Дриада», я специально уточнил, требуется ли человек с личным транспортом. Девушка по телефону ответила, что

такого условия они не ставят. Проводят лишь собеседование, где смотрят, не пьющий ли человек и не идиот ли он настолько, что перепутает пакеты. То есть четыре колеса им не требовалось. А целых два у меня уже было. Я так и представил: если место назначения будет недалеко, стану передвигаться пешком или на велике. Если далеко – на метро. Расстояние от дома тётушки до офиса я обозначил как терпимое для велопрогулок, а чтобы окончательно в этом убедиться, на велике сюда и отправился, думая, что так ещё и не попаду в пробку. Конечно, я не рассчитал, что по дороге проколю шину и мне придётся приковать железного друга к столбику у первого попавшегося магазина, а завершить свой путь как раз через пробки в душной маршрутке... И вот третий знак – гроза. Тут уже в голову лез Булгаков с его тьмой, сомкнувшейся над городом. Будто я однозначно поступал неправильно, и не должен был сюда приезжать.

Над головой грохнуло, а я всё стоял и предавался грустным мыслям о велосипеде. Это было проще, чем пересечь площадь перед зданием офиса и войти наконец туда. Пусть и с опозданием.

Но торчать статуей посреди остановки, по которой туда-сюда снуют люди, было глупо, и я всё-таки приблизился к стеклянной башне. Напротив неё были скамеечки. Всё-таки интересно, а как там внутри? И надо ли мне это знать на самом деле? Надо ли видеть человека, который, оказывается, является моим биологическим отцом? Нет, когда тётуш-

ка приехала к нам два года назад, она уже многое забывала и путала, но когда решила открыть страшную тайну – мой папа ни хрена не лёгчик-испытатель, я был к этому готов и её информации сразу поверил.

Про лёгчика дед говорил с таким выражением лица, что я уже в сопливом детстве осознал: это печальная шутка. Мама же про отца не произносила ни слова. И я сделал вывод: папаша был человеком настолько недостойного поведения, что и сказать о нём нечего. Ну а раз мама с дедом так считали, глупо было бы этот факт оспаривать. Они не так уж часто мне ввали. Всё, что я мог вычислить по обрывочным сведениям, – мама уехала учиться к тётке в Москву, а вернулась после второго курса беременная. От порядочных мужчин беременные девушки не бегут, тем более не бегут от них из Москвы в нашу сибирскую дыру, у которой и названия нет, а только номер. Остановочный пункт на железной дороге, на котором в последние годы уже ни поезда, ни электрички не останавливаются. Три дома, один из которых брошен. С одной стороны чистое поле, с другой – лес. И бесконечные составы перед окнами. К звуку проходящих поездов привыкаешь так, что, оказавшись в любом месте, где их нет, не сразу можешь научиться засыпать. Словно не хватает привычной колыбельной... Ни дед, ни мама так и не сказали, кто мой отец.

И тут тётка матери приезжает уговаривать меня поступить после девятого класса в колледж и жить с ней. Я отказался,

потому что планировал заканчивать одиннадцатилетку и потом получать то самое высшее образование, которое пока в семье никто не получил. Дед в своё время выпустился из железнодорожного техникума, мама так и осталась с двумя курсами педагогического и проработала всю оставшуюся жизнь проводницей. Да и не хотел я раньше времени уезжать в Москву. Честно говоря, большого города я просто боялся. И тётку толком не знал, а незнакомые люди меня напрягают. Тем более если жить надо с ними под одной крышей и по их правилам. Я ответил, мол, приеду, когда поступлю в институт. Тогда уже деваться будет некуда. И то я рассчитывал поселиться в общежитии, а тётку только иногда навещать, если ей это будет необходимо. Но всё решилось иначе – дедова сестра умерла, он оказался единственным её наследником, а я теперь мог свободно перемещаться по двум комнатам, ни на кого не натываясь.

Задуманный разговор «а ты знаешь, кто на самом деле твой папа» состоялся после изрядной дозы самогона, изготавливаемого дедом из всего, что попадётся под руку. Дед принять столько, сколько тётя, не мог, потому что вдрызг пьяный дежурный по остановочному пункту – это слишком, и даже после выхода на пенсию он пить сильнее не начал. Гнал же из любви к искусству, и самогон этот у него покупала вся округа.

Дед зачем-то отлучился в огород, а его сестра, еле ворочая языком, вытащила из сумки потрёпанный журнал, про-

листала его и сунула мне. Мол, держаться больше нет сил, и странно будет, если тайна уйдёт с нею в могилу. А тайной, оказывается, с тётёй Ирой поделилась моя мама, когда в её пересменку в Москве тоже сидели и болтали – цивилизованно, за бутылкой вина, а не вот так, как сейчас.

Кивнув мне на статью, посвящённую десятилетию некоего рекламного агентства, она сказала: «Митя, обрати внимание, этот тип и есть твой папаша. Раскрутился, гад. Цветёт и пахнет. Ни копейки алиментов не заплатил, очень удобно». Я глянул на снимок и прислушался к себе. Не каждый день сообщают, что у тебя батя – столичный бизнесмен. Это когда ты считал его чуть ли не алкашом. Мало ли населения спивается к этому возрасту... Что-то должно было произойти и измениться. Но ничего не произошло. У меня никогда не было большой семьи – бабушка удрала от деда к другому, оставив ему на память мою пятилетнюю тогда маму, у мамы семейное счастье не сложилось, а из прочих родственников была только вот эта тётя Ира, и видел я её несколько раз в жизни, когда мама брала меня в Москву и мы у тётки ночевали перед тем как отправиться в какое-нибудь интересное место вроде музея Дарвина, ВДНХ или парка с аттракционами.

А отец? Глянцевый журнал не нёс никакой эмоциональной информации. Яковлев и Яковлев, подумаешь. Тем более что на тех снимках были ещё и три его дочери. Его семья, не имеющая ко мне никакого отношения. А об алиментах я и думать не стал. Никто без финансовой помощи от этого типа

с голода не умер. Поэтому только сказал: а, понятно. Журнал отправился в стопку бумаги для растопки печки, и последующие два года я об отце практически не вспоминал...

Возможно, я и сейчас бы не сунулся в эту «Дриаду». Выучился бы в институте, вернулся в Омск с дипломом, или, если бы случилось чудо и я привык к Москве, которая меня сейчас так пугает, остался бы тут. Но так и не встретился с человеком, благодаря которому появился на свет.

Но... мне позарез понадобилась работа. Пенсии по потере матери и символической стипендии на жизнь в этом адском городе, возможно, и хватит, но вот на ликвидацию красных квитанций... Обдумывая, куда мог бы устроиться человек с аттестатом за одиннадцать классов и без каких-то специфических умений, я быстро пришёл к выводу, что получится из меня только курьер. К чему-чему, а к беготне по местности жизнь меня отлично подготовила. Я смотрел в окно, взгляд мой упирался в соседние многоэтажки, и я вспоминал, как в первом классе мама отвезла меня в город в школу-интернат от РЖД, и как я сразу же сбежал оттуда и вернулся домой с водителем какого-то бензовоза, который меня пожалел и не побоялся подвезти до посёлка и вручить знакомым, позволившим уже по телефону дежурного на остановочном пункте. Мама провела воспитательную беседу и снова отправила меня в город. И я снова сбежал. На этот раз никто в машину меня не брал, и я до вечера телепался пешком вдоль трассы в нужном направлении, всерьёз собираясь идти так

несколько дней, ночуя в лесополосах, пока мама опять меня не нашла. Она кричала, что испугалась и что я не должен так больше делать, но дед по моей физиономии что-то понял и махнул рукой. Меня записали в деревенскую школу. От нашего остановочного пункта до деревни чуть больше четырёх километров. Первые дни дед возил меня туда на своём мотоцикле, а потом я стал ходить сам. Зимой мама рыдала и представляла, как я непременно замёрзну по дороге, но дед сказал – сегодня замёрзнет, назавтра теплее оденется и будет активнее шевелиться. Так я и проучился девять лет, преодолевая это расстояние каждый учебный день то пешком, то на велосипеде. Старших классов в деревне не было, а до посёлка с одиннадцатилеткой – семь километров. И снова я не захотел ехать в город, куда почему-то все мои знакомые, наоборот, очень рвались. Семь километров – ничто для велика, а зимой, когда морозы не предполагали таких маршбросков, я оставался ночевать в поселковом интернате. Маме, пока она была жива, мне так и не удалось объяснить, что же меня не устроило в городе. А сейчас я думал, что если бы не тот интернат РЖД, возможно, для меня город был бы интересным и заманчивым местом. Но меня притащили туда и оставили в толпе себе подобных, всё вокруг казалось огромным, слишком пёстрым и даже опасным. Мнение об опасности ситуации только подтвердила воспитательница, которой нас передала учительница после ознакомительного урока и прогулки по территории. Воспитательница зашла с козырей

и принялась на нас превентивно орать. Мол, всё, детки, тут вам не мамка с папкой, тут всем на вас плевать, но вы обязаны соблюдать такие-то правила. Я не хотел, чтоб на меня плевали, а требования вроде не разбрасывать форму и носки в спальне, мыть уши и чистить зубы, произнесённые таким голосом, показались мне чушью собачьей. Ежу ясно, что зубы надо чистить, а твои носки никто кроме тебя не постирает. На минуту мне даже показалось, что я попал в толпу умственно отсталых детей и теперь каждый день их носки будут валяться всюду, а воспитательница станет нон-стоп орать. И ор меня тоже не устраивал. Дед никогда не орал как сумасшедший и никому на меня орать не разрешал, сколько я себя помнил, он всегда говорил, что я уже достаточно взрослый, чтобы понять слова, а не визг и вопли. Конечно, в таком месте я оставаться не мог, несмотря на всю его внешнюю привлекательность – игрушки в игровой комнате и масштабный спортивный комплекс во дворе. А во второй день воспитательница уже посвятила отдельную речь мне: мол, смотрите дети, как делать не надо – Гордеев то ли глупый, то ли вообще чокнутый, взял и ушёл с территории. И поэтому гулять он с нами не пойдёт и вообще будет стоять после уроков у своей кровати до самого ужина. Я, разумеется, покинул помещение, как только она увела одноклассников на прогулку. Пусть сама стоит у кровати, сколько в неё влезет. Чокнутым среди нас двоих точно был не я.

Итак, курьер из меня получится – просто мечта. Буду хо-

дить, бегать, кататься по Москве, слушать книжки в наушниках, думать о своём. И с деда брать денег не стану. Всё прекрасно устроится. Дальше я открыл интернет и зачем-то вбил в поиск ту самую «Дриаду». И через минуту смотрел на вакансию и сам себе не верил. Так бывает? Я хочу быть курьером, и агентству отца нужен в том числе именно курьер. Это могло быть только каким-то очередным вывертом судьбы. Бросаться Андрею Сергеевичу Яковлеву на шею и орать «здравствуй, батя» я, конечно, не собирался. Но вдруг подумал, что устроиться к нему и понять, что он за человек, – хорошее решение. Проанализировать, насколько он сволочь. Это другое дело. Всё-таки во мне его гены. Может быть, мне и от себя надо ждать какой-нибудь генетической подляны, а я даже не в курсе, чего именно ждать.

Хотя... сегодня судьба, очевидно, своё мнение изменила. И как сначала волокла за шкурку в эту «Дриаду», так теперь оттаскивала обратно. Я опоздал.

В небе загрохотало особенно внушительно, и вдруг хлынул ливень. Не дождь, а именно ливень, словно лично на меня решили перевернуть цистерну с водой. Подскочив со скамейки, я рванул в единственно доступное укрытие – ко входу в офисное здание...

– Куда?

Охранник у проходной мог возражать против того, что в такое крутое место ломится некто настолько мокрый. Мог даже выгнать меня под дождь. И я сказал:

– На собеседование. В курьеры «Дриады».

– Проходите.

В вестибюле было сухо, этот тип добавил:

– Лифт там.

И назвал этаж.

Если я не уеду на лифте, он заподозрит, что оглашённые мною намерения не соответствуют реальным. И я решил – поеду. Что если курьеры склонны опаздывать на собеседования и это не так уж страшно? Дам судьбе последний шанс перед тем как устроиться в другое место и остаться без сведений об отце – чем уж он так плох.

2

Выйдя из лифта на нужном этаже, я увидел толпу молодых людей. Человек десять топтались вокруг. Все – парни чуть старше меня, а может кто-то и моего возраста. Пространство у лифта было большое, открытое, а в центре – круговая стойка ресепшн. В две стороны из пространства вели коридоры, конца которых отсюда было не видно, а за ресепшн просматривался секретарский стол и стеклянные двери в кабинет с табличкой. Прочитать буквы на табличке отсюда не представлялось возможным. За стойкой ресепшн сидела женщина, вторая стояла перед ней и перебирала конверты с почтой. Наверное, у этих женщин и надо было спрашивать, куда именно идти будущему курьеру. Но я не успел ничего спросить. Позади меня захлопали в ладоши, и парни вокруг при-

нялись зачем-то выстраиваться в шеренгу. Я повернулся.

Их было трое, вышедших из коридора в конце пространства. Одна – сухонькая женщина неопределённого возраста, ярко накрашенная и одетая в нечто ещё более неопределённое, словно она намотала на себя несколько клетчатых покрывал и перевязала их поясками от халатов под бюстом, чтоб не сваливались. На пальцах у неё были кольца, на некоторых даже по два или три сразу, а в ушах – массивные серёжки. Второй – мужчина с бородкой и с фотоаппаратом на шее. А третья – молодая совсем девчонка с огромными карими глазищами. Девчонка на меня посмотрела, и мне вдруг стало жарко, несмотря на мокрую насквозь одежду. Кстати, мокрым тут был я один, и это внезапно показалось чем-то запрещённым. Конечно, меня забракуют. Кому нужен мокрый курьер. Особенно когда рядом такой ассортимент сухих.

– Так вот, Денис, – продолжила какой-то монолог женщина в покрывалах. – Чтобы я твоего Вовика больше в студии не видела. Это же сироп! Ты сам не понимаешь? Пятая точка слипнется на него глядя. Позор.

– Все рекламные ролики в какой-то степени позор, – философски заявил мужчина.

– Позор, – кивнула женщина. – Но не надо превращать позор во вселенское позорище! Напомните, это стадо у нас кто?

– Это для стирального порошка, – поспешно проговорила молодая девчонка. – Кастинг на старшего сына героини. Вы

назначали.

Курьер – старший сын героини? Это как? Обдумать это я не успел, потому что вдруг решил: мне по барабану. Главное – я не торчу тут один опоздавший, а стою в строю, будто так и надо. Что-то да прояснится само собой.

Я сосредоточился на девчонке, и только теперь заметил в руках у неё блокнот, а на шее сантиметровую ленту. Смотреть на сантиметр было глупо, ведь у неё такие глаза! Мысли запрыгали, объект перестал восприниматься полностью. Глаза отдельно, причёска в виде двух тёмных хвостиков, перевязанных разноцветными фенечками – отдельно, отдельно и белая футболка с привлекательным вырезом. Ещё на девчонке были лёгкие полосатые джинсы и белые кеды. И на руках тоже какие-то фенечки.

А пока я на этих фрагментах залипал, констатируя, что вообще никогда в жизни не видел такой классной девчонки, ну и пусть я их видел вообще ничтожно мало... Мадам в покрывалах шагнула ко мне и внезапно ухватила меня за подбородок. Пальцы у неё были сухие и холодные. Повернув мою голову влево и вправо, словно разглядывая лошадь на ярмарке, сказала:

– Вот! Вот что я имела в виду!

И все уставились на меня, а я совсем перестал соображать. Что всё-таки происходит?

– Новый типаж. Впервые вижу. Зелёные глаза, а какой интересный оттенок, – продолжила мадам. – Денис, вот то, о

чём я тебе говорила. От мальчика не должна слипаться задница, нужно, чтобы было видно – это зародыш настоящего мужика. Как зовут?

Я даже не допёр, что спрашивают у меня. Потому что несла она откровенный бред, тогда когда я ожидал вопросов, не бухаю ли я не досуге и способен ли дотащить конверт из пункта А в пункт Б.

– Малыш, ты говорящий?

И пока я ещё несколько секунд тупил, из того же коридора, откуда вышли эти трое, показалась девушка в жёлтой блузке и выкрикнула:

– Зайцев тут кто?

– Я!

Парень у окна не встал со всеми в шеренгу, и его я сразу не заметил.

– Вы приняты. Вы наш новый курьер. Пройдите со мной, подпишем договор.

Тут до меня и дошло – это не сумасшедший дом, где курьера выбирают по принципу – не слипнутся ли от его вида у каких-то людей какие-то места или сочетается ли оттенок глаз с цветом папок для документов...

Просто пока я торчал на улице, кандидаты в курьеры уже прошли собеседование, и некий Зайцев победил конкурентов. А вот это был, кажется, кастинг. Для рекламы стирального порошка. Становиться старшим сыном какой-то героини, я, разумеется, не собирался. И даже успел открыть рот,

чтобы сообщить что ошибся, попал не туда и теперь ухожу. Но тут подошла эта девчонка в фенечках, пролистала блокнот и улыбнулась так, что можно было не только высохнуть, но и начать источать пар из ушей. И спросила имя и фамилию. Не ответить ей было нереально. Я только постарался подумать – что за чушь, в самом деле. Девчонка как девчонка. Следующая моя мысль крепко отдавала психиатрией. Я вдруг решил – а почему бы и нет? Курьер – оно, конечно, спокойней, но зато моделям в рекламе однозначно больше платят. И делать им почти ничего не надо. Встань, как скажут, или пройди, как надо. После километров до школы – фигня вопрос, даже если на меня нагрузят мешки с моющими средствами.

– Гордеев Дмитрий Викторович, – сказал я.

– Агентство?

– Что?

– Жаконя, – ляпнула ещё что-то непонятное тётка в покрывалах, – это мы потом со всем разберёмся. Быстренько в студию и переоденьте это чудо, пока он окончательно не растаял.

Под моими кроссовками действительно растекалась лужица. Девчонка посмотрела на меня снова, и мне показалось, что она почему-то краснеет. А потом решительно ухватила прямо за руку:

– За мной!

Она проволокла меня по коридору, впихнула в помеще-

ние, вероятно, как раз в студию и ещё раз огорошила:

– Раздевайся!

Последний раз такое я слышал в шестнадцать при постановке на учёт в военкомате. Но девушка с инопланетным именем Жаконя (или это местная кличка?) военкоматовского медика не напоминала, а при представительницах противоположного пола, никак не связанных с медициной, я в сознательном возрасте не раздевался. Поэтому инстинктивно шарахнулся от неё к свободному простенку и принялся оглядываться. Помещение изобиловало интересными предметами, назначение которых мне было неизвестно, более понятной фотоаппаратурой, а на диване у противоположной входу стены валялись подушка и покрывало, словно кто-то тут не только работал, но и жил.

– Какой у тебя размер одежды? – спросила девчонка, принимаясь рыться в углу на стойках с каким-то барахлом.

Голова у меня закружилась, но тут, к счастью, в студию вошёл Денис со своим фотоаппаратом на шее и всё стало немного понятней. Он объяснил, что сейчас мне надо надеть что-то сухое, он сделает несколько пробных снимков, потом я пойду погуляю, а он найдёт в их запасах те шмотки, в которых меня будут снимать уже с их стиральным порошком. Я должен буду изобразить студента, по замыслу рекламщиков, только что уехавшего от родителей в свободную жизнь и теперь справляющегося с этой жизнью только при помощи активной стирки. А завтра предстоит ещё съёмка ролика и

там кроме меня будет полно народу.

– Героиня и три засранца, – усмехнулся Денис, – Ты чего завис, первый раз что ли?

– Первый.

Наконец-то мне задали вопрос, ответ на который я точно знал. В отличие от размера одежды. Если мы с дедом ехали в город и нам нужны были шмотки, то достаточно было обратиться к продавцу на рынке или в торговом центре – и эти тётки сами давали нужное.

– Первый раз в первый класс, – пробормотал Денис, выдернув меня за руку из простенка, поставив в центр студии и обходя со всех сторон, – Жень, метнись в буфет, принеси мне колы.

Жень... Это уже понятней. Наверное, Жаконя – это всё-таки кличка. Евгения... Имя показалось мне волшебным красивым.

– Я хотел быть курьером, – оправдался я, когда девчонка с милым именем Женя удалилась. Теперь можно было и раздеваться.

– Может, им и будешь, – кивнул Денис. – Да, Эвелина тебя выбрала, и это большая часть успеха, но утвердить должен генеральный. Это не брошюрка тиражом триста, ролики пойдут на ТВ, фото на билборды, такие вещи Яковлев отслеживает сам.

Внутри у меня всё опустилось. И я уже не знал, чего я хочу – чтобы мой отец утвердил ролик, в котором по ТВ ме-

ня может увидеть и мой дед, или чтобы Андрей Сергеевич Яковлев признал меня настолько же ненужным, как признал мою мать, и выгнал отсюда на хрен. Тем более что курьер Зайцев у них уже есть.

Когда Женя вернулась с двумя бутылками колы, Денис выдал что-то вроде футбольной формы, поставил меня к белому полотну-фону и принялся командовать, куда и с каким именно выражением лица мне смотреть. Я понимал, что спектр эмоций получится у меня сейчас фигово. Во-первых, смотрел я в основном в сторону Жени, а она вызывала у меня странные реакции, нечто смешанное, не чистую радость, точно не раздражение и не неведомую меланхолию (что это вообще такое и как её изображают взглядом?). Во-вторых, я не актёр и никогда не задумывался, как именно что-то кому-то показать. Пожалуй, единственное, что у меня получилось от души, это когда Денис попросил сыграть печаль. Тогда я представил наш останочный пункт, свою микро-комнату, где теперь диван застелен связанным мамой покрывалом и никто его на ночь не расправляет, дорогу до деревни, лесную землянику на полянках, речку, в которую я теперь не прыгну с мостика до следующих летних каникул... И как я мог бы ещё быть дома до зачисления, а подписав согласие на это зачисление, мог бы вернуться и до первого сентября. Но дедушка упёрся – надо адаптироваться в столице заранее. Чтобы потом учёба не наложила на эту адаптацию и не сломала мою психику. Не знаю, с чего он решил, что так

будет лучше, но переубедить его не удалось. И вот я здесь, и за последние десять минут меня сфотографировали столько раз, сколько за последние несколько лет не набралось бы...

– Сядь, – Денис махнул рукой в сторону дивана и принялся разглядывать, что там у него получилось, прямо в фотоаппарате. А Женя подала мне вторую бутылку колы, припарковав первую у монитора на компьютерном столе, – Пойду покажу генеральному, что у нас предварительно вырисовывается. Можешь ждать тут, можешь пойти погулять по офису. Только тогда номер оставь, я тебе позвоню.

Я вскочил с дивана и рванул было на выход, но сообразил – моё мокрое барахло валяется на стуле в углу, чудом не намочивший телефон – рядом, а идти куда-то гулять в не принадлежащей мне спортивной форме – это слишком.

– Да пойдём уже, – Женя оказалась чертовски догадливой. – В мастерской есть утюг, я тебя высушу.

Я мог бы сделать это сам, о чём ей и сказал. Но она меня не услышала, и пришлось тащиться за ней. В мастерской она указала, куда мне сесть, велела уже пить колу, а не крутить бутылку в руках без всякого смысла, и принялась возить утюгом по моим джинсам.

А меня зачем-то начала успокаивать:

– Не переживай, думаю с тобой заключат контракт. Ты красивый и Эвелине понравился. У нас главное – понравиться ей. Хотя и считается, что Андрей Сергеевич всё решает сам. Руководителей проектов в «Дриаде» несколько, но ко-

ролева рекламы – одна.

Я забыл, как дышать. В смысле – красивый? Такого мне никто не говорил. Ну кроме мамы в раннем детстве. Когда мы все для своих мам лучшие мальчики в мире, так что это не считается. Хлебнул колы из бутылки, чтобы хоть что-то делать, а не просто сидеть с отвисшей челюстью. Смешанные чувства стали приобретать понятные очертания. Я понял, что Женя прилетела мне как кирпич по башке, и теперь я ощущаю сотрясение мозга, но не физическое, как было бы от кирпича, а моральное. В городе, который меня бесит, я встретил человека, восхитившего меня с первого взгляда. При этом к восхищению примешивается страх. Это мне зачем вообще? Все эти любви, внезапные и на всю жизнь, – это нечто из книг, часто ещё и с не очень вдохновляющим финалом...

– Я тут уже почти год работаю, – сообщила Женя тем временем. – Пришла на практику от колледжа, осталась, повезло. Обычно практиканты покидают «Дриаду», как только практика завершится.

– Ты... модель? – спросил я.

И тут она засмеялась. Так, словно я ей рассказал анекдот года или показал сногшибательный мем в интернете.

– Ага, модель ростом метр шестьдесят, ты что, живых моделей не видел?

– Не видел. Ну и что?

Бросив мне джинсы и принявшись за футболку, Женя

объяснила, что она дизайнер, а работать с Эвелиной – большая честь. И сказала – я забавный. Нет, конечно, в рекламе нужны разнообразные типажи – и дети, и толстые мамы с прыщавыми подростками, и старенькие бабули, но всё-таки модель – это нечто, не имеющее к Евгении Воронцовой никакого отношения.

Она болтала и болтала, а я смотрел, как ловко двигаются её руки с утюгом, и – в вырез её футболки, когда она наклонялась. Ничего там видно толком не было, но мне стало ещё больше не по себе. Дед был неправ, и в Москве я не взялся адаптироваться, а сразу сошёл с ума? Скорей бы она уже закончила с сушкой, и я бы выдохнул.

– Вообще у нас тут живенько, весело, тебе понравится. Коллектив относительно молодой, креативный. Хотя ты, кажется, не очень общительный? Или это первое впечатление?

– Я не знаю, общительный или нет.

Женя недоверчиво на меня посмотрела, и я сосредоточился на бутылке с колой. Не сжимать её так, что остатки выплеснутся мне на студийный прикид. Я сказал ей правду. Как можно понять, общительный ты или нет, если до этого дня тебе просто толком не с кем было общаться? Да, я считаю, что люди мне не особенно нужны и даже утомляюсь, когда их много. Но вдруг в «Дриаде» работают настолько прекрасные личности, что мне понравится с ними общаться? Зачем заранее объявлять себя социофобом? К тому же дед настаивал, что всё надо попробовать. И это с ним в его шестьдесят

семь всё ясно, а мои семнадцать могут развернуть меня ещё куда угодно.

Мы вернулись в фотостудию. Денис обрадовался, что я не успел покинуть здание.

– Ты нам подходишь, – сообщил он. – Так что вперед, работаем. А контракт пока готовят.

И велел Жене снять с меня все мерки.

Тогда я мысленно умер. Решив для себя – буду терпеть. Контракт – это звучит солидно. Контракт спасёт меня от тёткиных долгов, и, возможно, это будет последний аргумент против побега обратно в Омскую область. Я начну работать, зарабатывать и дед будет мной гордиться. К тому же, если я сейчас удеру, Женю больше не увижу. И что тогда делать с этими странными и внезапными ощущениями, тут возникшими? Я буду словно идиот, который спрыгнул с поезда, не доехав до нужной станции. Куда нужно не попаду, что там вообще происходит – не увижу. А повезёт, так и прибьюсь в полёте. Конечно, стресс от переезда в Москву с края географии и потерю, возможно, вот сейчас возникшей любви с первого взгляда нельзя сравнивать с ударом о железнодорожную насыпь, но именно такое сравнение пришло в голову. Останусь здесь и всё выдержу – будут шансы на дальнейшее, уйду – всё точно закончится плохо.

Пока Женя ходила вокруг меня с сантиметровой лентой, Денис объяснял, что я должен делать, чтобы всё у меня было хорошо и первый раз не стал последним. Требований было

мало, но они были всеобъемлющими – безусловное следование командам фотографа, а завтра – режиссёра ролика, такое же безусловное подчинение руководителю проекта Эвелине. Также нельзя было жаловаться, ныть, опаздывать и уходить раньше, чем тебе покажут на дверь. Словом, я должен был быть как робот в фильмах. До того, как робота всё задолбает и он восстанет.

Я согласился, меня долго фотографировали уже в белой рубашке и белых же футболках и с пачкой порошка в руках. Печаль изображать больше не понадобилось, наоборот, я должен был быть очень рад, что эта пачка мне досталась. Подписание контракта, правда, так и не случилось, мне обещали сделать это завтра...

К моменту, когда я покинул «Дриаду», дождь кончился. Я прошёл мимо ресепшн, рассмотрел, наконец, табличку на стеклянных дверях единственного в этом огромном прилифтовом пространстве кабинета. «Генеральный директор Андрей Сергеевич Яковлев». Там, за дверями, судя по всему, прямо сейчас находился мой отец. Женя ушла куда-то, и попрощаться с ней мне не удалось. Но это пустяки – завтра увидимся! Я дошёл до магазина, у которого бросил велосипед, кое-как влез с ним в автобус, судя по яндекс-картам следовавший в нужном мне направлении, и, прислонившись лбом к стеклу на задней площадке, почувствовал, что сердце снова прыгает, будто я преодолел расстояние от деревни до своего дома бегом и ни разу не передохнул. Новая жизнь нача-

лась так круто, как и представить было нельзя.

Вечером я снова никак не мог заснуть – позвонил деду, похвастаться что нашёл работу, но поскольку полной ясности пока нет, то подробности будут позже. Соврал, что чувствую себя прекрасно и мне тут даже нравится. Деда было плохо слышно – чтобы связь стала устойчивой, ему нужно было бы выйти из дома, а ещё лучше – подняться по лестнице на крышу. Но главную новость он определённо расслышал. А после звонка я принялся вертеться в постели. Люди ко всему привыкают, и я обязан был уже привыкнуть! Неделя прошла! Кажется, дед был прав, беспокоясь о моей тонкой нервной организации. Я всегда считал себя мужиком, почти таким же, как сам дед, которому всё нипочём. И что? Я оказался не в окопе, не на Северном полюсе, никаких экстремальных условий, наоборот, тут всё куда проще в бытовом смысле, а я не могу заснуть без стука колёс проходящих составов, мне совсем не хочется есть, а всё, что я могу, – пить литрами чай и думать. Даже очередную начатую перед отъездом книгу на телефоне никак не могу дочитать, мне неинтересно, хотя читал я всегда очень много, говорят, научился раньше трёх лет, с тех пор читаю без пауз в любой подходящей ситуации. Не есть, не спать, не читать – это слишком. Пора брать себя в руки.

Я встал, прошёл в спальню тётки, куда предпочитал не заходить. Но именно там был стеллаж с книжками. Возьму первую попавшуюся и заставлю себя в неё вникнуть. Схва-

тив книгу, не зажигая свет, действительно наугад, у себя на диване я обнаружил, что это – дамский роман. Выругавшись, открыл первую главу. Ну если не сдохну на первых двадцати страницах, то не так уж я безнадёжен, просто временное помутнение.

Роман оказался мало того что дамским, так ещё и 18+. И начиналось всё с походов какого-то мачо, у которого с женщинами не было вообще никаких проблем, все так и стремились завалиться с ним в постель. Описывала его авторша как нечто предельно совершенное и постоянно повторяла: мол, у мужика зелёные глаза. Как будто это было необычным и что-то означало. К двадцатой странице в сюжете не случилось ровным счётом ничего, что можно было считать его развитием. В общем-то ничего, кроме перманентного секса, там не происходило. На девятнадцатой странице этот гигант расслабленно задрях в своём огромном замке, его спящим увидела новая уборщица и влюбилась без памяти. Да-да, если учесть, что главное его оружие – зелёные глаза – во сне не заметишь, влюбилась она, видимо, в задницу. Всё ясно. Потом он проснётся, постепенно втрескается в неё по уши, бросит похождения, и они нарожают ангелочков.

Я отшвырнул книжку, подумав, что в принципе, если с уборщицей все эти сцены будут следовать так же, как в начале, со всеми подряд – одна за одной, текст наискосок можно и прочитать. В чисто образовательных целях – раз тётки эти книги пишут и покупают, что-то же их в таких самцах заво-

дит. Может, пойму, что именно.

Спать теперь хотелось ещё меньше. Я выбрался на кухню, налил себе чай и вспоминал уже только Женю. Всё-таки что это сегодня было? Психоз, который завтра-послезавтра рассосётся, или я теперь буду жить влюблённый в неё с первого взгляда, как пишут в романах сочинители? Ответа на этот вопрос я не знал, потому что до этого не влюблялся. «Первый раз в первый класс», – вспомнились слова Дениса. И «ты красивый» – в Женином исполнении. Кажется, сегодня уснуть у меня однозначно не получится.

3

– Ловишь его и берёшь на руки, потом вместе становитесь вот тут, – объяснял режиссёр.

Сценка была нехитрая – сначала старший брат приходит с тренировки и бросает матери под ноги вонючую форму, потом средний является из школы в рубашке в потёках шариковой ручки, а следом мамаша забирает из сада малого – в красках, фломастерах и слоях засохшей еды. То ли святая, то ли малахольная женщина вместо того, чтобы навешать двум старшим подзатыльников и заставить их приводить своё барахло в порядок, а заодно приучать к порядку младшенького, всё это стирает лично замечательным порошком. Потом неприспособленные к жизни дебилы улыбаются и выстраиваются за маминой спиной. У неё в руках моющее средство, у старшего – малой. Идиллия. Хорошо, хоть не вернулся ба-

тя этого семейства в каком-нибудь мазуте. Или счастливая героиня – одиночка, или батя не настолько невменяем и стирает себе сам.

Мелкий, которого мне надо было таскать на руках, был лёгкий, но очень шустрый и постоянно крутился, норовя пнуть меня в живот. Других неудобств от съёмки я не зафиксировал.

Разве что одно – в какой-то момент в студию заглянул лично Андрей Яковлев. Узнать он меня, конечно, не мог, это только в дурацких сериалах, которые обожала сторожиха школьного интерната, я был бы его точной копией и он с порога что-то бы заподозрил. Но я похож на мать, и обошлось. А явился он поздравить героиню, играющую нашу маман, с тем, что агентство вот сейчас заключает договор с крупным производителем йогуртов и она непременно снимется в этой рекламе. А я подумал – надеюсь, меня не выберут снова её старшим сыном. Пока они там отснимут распитие этого йогурта, меня точно им стошнит. При виде биологического отца я ощутил что-то непонятное и подумал: просто эта «Дриада» создана, чтобы дарить людям невнятные ощущения. Я не обрадовался, не расстроился, но внутри-таки дрогнуло. Выглядел папаша внушительно, а улыбка у него была очень даже доброжелательная. И не скажешь сразу, что гад. Ладно, позже разберусь, что он собой представляет.

Но... мой первый раз в «Дриаде» мог сделаться и последним. И это я понял, когда работа в студии закончилась, за

моими экранными братьями подтянулись родители, а меня Эвелина повела подписывать контракт. На этот раз наряд на ней был другой, но такой же объёмный и загадочный.

В отделе кадров мой паспорт произвёл неожиданный эффект.

– Ты несовершеннолетний? Ты же говорил, что окончил школу! – возмутилась Эвелина, словно я ей врал, будто мне тридцать, а оказался шестиклассником.

И она, и тётка в желтой блузке, накануне выловившая из толпы моделей курьера Зайцева, смотрели на меня и ждали объяснений.

– Мне будет восемнадцать в декабре, – сказал я. – Просто немного раньше отдали учиться.

– Тогда нам нужна твоя мама! – заявила жёлтая. – Чтобы подписала за тебя.

– Мама умерла семь лет назад.

– Отец?

Подпись моего биологического отца уже стояла на документе, и я отвел глаза:

– Прочерк в свидетельстве о рождении.

– Тогда у тебя должен быть опекун! – Эвелина вглядывалась в меня всё пристальнее, и я понял – карьере неопрятного сыночка героини пришёл финиш.

– Мой опекун – дедушка. Он живёт в Омской области. Я приехал сюда учиться в институте, подал документы, жду зачисления. Других родственников у меня нет, дедушка сюда

ничего подписывать не поедет. Я вам не подхожу?

Мы уставились друг на друга. Эвелина что-то там решала, а я мысленно принялся искать работу курьера, но взгляд не отводил. Тут ведь Женя! Второй день убедил меня – это не заскок, на меня, как в киношках и литературе, рухнуло вдру большое чувство. Светлое или нет, покажет время, но оглушило меня знатно. В студии она стояла в углу, далеко за спиной дядьки с камерой, но улыбался я сегодня точно не оттого, что выдуманная мамка отстирала мне выдуманные пятна с рекламного барахла. Улыбался я Жене, пусть она этого не знала. И любовался ею, сегодня она была в цветастом платье, и платье ей шло даже больше, чем брюки.

– Что-нибудь придумаем, – наконец выговорила Эвелина, – сумма устраивает?

Я снова посмотрел в контракт, в графу, на которую внимания не обратил, потому что любая сумма лучше, чем ничего. Но там была такая цифра, что я тут же убедился – я очень прочный и невозмутимый, копия деда! Было от чего рухнуть в обморок, но я не рухнул, только закивал активнее, чем нужно.

– Не слышу, – Эвелина вздохнула.

– Устраивает!

– На кого учиться-то собрался?

– На инженера железнодорожного транспорта. Хотелось бы.

– О господи, – почему-то пробормотала она и ушла, обе-

щав подумать, как бы мне остаться тут работать, такому несовершеннолетнему, но подходящего ей типажа.

Вскоре мне сказали, что я могу отправляться домой, а явиться должен завтра. Ролик, оказывается, обычно снимается в нескольких вариантах. Завтра к нашему киносемейству добавится всё-таки батя, а младшего пацана сменят на девчонку. Моя роль от этого не изменится, я буду всё тем же спортивным вонючкой. Ну и ладно. Главное – меня оставили!

Выходя из здания, я чуть не столкнулся с затормозившей на проходной Женей. Женя тащила за собой огромный клетчатый чемодан на колёсиках. Я автоматически перехватил его ручку. В моей вселенной девушки не носят ничего тяжёлого, когда рядом мужик. Даже если это тяжёлое на колёсиках.

– Надо этот гроб куда-то спрятать, – объяснила Женя, – припарковала в мастерской, но Эвелина развопилась, что мы превращаем офис в общагу. То Денис тут ночует, поссорившись с женой, то вот я заселяюсь внаглую.

– Гроб?

– Символ моего почившего детства в кругу любящей семьи, – усмехнулась Женя. – Если вкратце – меня выгнали из дома. К вечеру, конечно, что-нибудь соображу, но пока я бомж. О, камера торгового центра подойдёт!

– Стоп, – сказал я, потому что она собралась ручку у меня отнять и пойти в какой-то торговый центр. А ситуация сло-

жилась просто немыслимая – я могу не просто разглядывать Женю, а помочь ей. По-настоящему! – Я могу забрать вот это и привезти к себе. Это лучше, чем оставлять где попало. Я дам тебе адрес, и приедешь после работы. Тут даже недалеко.

– Серьёзно? – Женя принялась выискивать в моих глазах нечто – то ли опасалась обнаружить признак, что я шучу, то ли прикидывала, достаточно ли надёжен для её чемодана.

– Вряд ли я сопру твои платья, они на меня не налезут.

– Очень выручишь, – обрадовалась она. – Тогда я поищу, куда бы закинуть свою тушку на ночь, и заберу его.

Я посмотрел поверх её плеча и как можно спокойней предложил:

– Ночевать тоже можно у меня. И вообще... жить. Я всё равно один в двух комнатах и собирался искать квартирантов.

Изо всех сил стараясь выглядеть не озабоченным маньяком, который завлекает бедную бездомную девушку в своё логово, я изобразил достаточную степень равнодушия.

– Ха, что бы сказал мой папенька, – Женя поправила фенечки на запястье, – ещё утром он был уверен, что я останусь на улице и к вечеру приползу в лоно семьи, умоляя меня простить! Ну хорошо, от таких предложений не отказываются. До встречи, потенциальный сосед.

Женя вернулась в агентство, а я поволок её чемодан к маршрутке, радуясь, что ещё не починил велосипед. С таким

клетчатый крокодил на нём далеко не уедешь. Хотя всё равно ремонтом стоит заняться как можно скорее.

Придя домой я, пожалуй, впервые к этому дому присмотрелся. Одну из комнат тётя использовала как свою спальню, вторую – как гостиную. Спальня была поменьше, в ней стояла широкая кровать, шкаф для одежды, книжный стеллаж и столик-трюмо с зеркалом. На столике в слое пыли теснились флакончики с духами и коробочки ещё с чем-то. За неделю я посетил эту комнату только дважды, когда только приехал и вчера, зайдя за книгой. Во второй комнате располагался диван, несколько секций мебельной стенки с посудой и прочим мной ещё не идентифицированным имуществом и – пианино. Над пианино висели фотографии – в основном тётя Ира и её муж. Муж у неё был военный. Среди прочих снимков была ещё фотка моего прадеда, того самого железнодорожного обходчика, что получил от государства наш дом и вырастил в нём деда и его сестру. Прадед на фото с женой и тогда ещё единственной дочкой Ирой. Рядом фотка, где Ира уже с Витей, моим дедушкой. Ира старше на десять лет, в строгом тёмном платье и с огромными бантами, а дед – крайне смешной, совсем мелкий, в одежде не по размеру и с игрушечным зайцем в руках. Моя мама тут тоже была, и тоже снимок из её школьных ещё времён. Банты, портфель и белые гольфы. Своё фото, как ни странно, я тоже обнаружил, засунутое за стекло в мебельной стенке. Я на нём один, и сделали это фото как раз в Москве, на Красной площади.

Я этого не помню, потому что был слишком мал. Видимо, тёте Ире нравились именно детские фотографии.

Ещё над пианино болтался календарь за прошлый 2014 год. Теперь его можно было выбросить. Выбрав неделю назад именно эту комнату для существования, я нашёл в одном из шкафов постельное бельё, а пол здесь, в прихожей и на кухне всё-таки помыл. На этом моё обустройство закончилось. Сейчас мне показалось, что в квартире слишком грязно, чтобы привести сюда такую замечательную девушку, как Женя. И я принялся уже внимательнее обыскивать окрестности. У тёти должен был быть пылесос, а не только лишь ведро и швабра, на которые натыкаешься сразу, стоит зайти в санузел.

Пылесос в итоге я нашёл как раз в спальне – прятался за кроватью. Пропылесосив везде, я протёр пыль на всех видимых поверхностях, налил в ведро воды и признал: если ещё и вымыть пол, всё будет не так уж печально.

Женя явилась, когда я жарил картошку. Самому есть мне по-прежнему не очень хотелось, но я решил и с этим бороться. Неделю уже сижу на чае и воздухе. Ну начнет меня шатать в кадре рекламы, чего я этим добьюсь? Надо жить как обычно и вести себя как обычно. А вечером мы с дедом чаще всего как раз жарили картошку. И её я купил, как только приехал, до того как понял, что в меня ничего не лезет.

– Вкусно пахнет, – заявила Женя с порога, и я пригласил её на кухню.

– Итак, немного о себе, – завела она разговор, как только я разложил еду по тарелкам. – Ну, чтобы бы знал, что я не скрываюсь от органов и за мной не прибежит бывший с топором. Я – педагогический провал моего семейства. В то время, как папа с мамой спали и видели меня с дипломом совершенно определенного института, я после девятого свалила в колледж на дизайн. Пока я училась в колледже, предков колбасило, но умеренно – ждали, что я одумаюсь. Но я недавно получила диплом и объявила, что остаюсь в рекламе. Дизайн в рекламе – то, что я люблю и чем хочу заниматься всю жизнь. Тогда папенька решил на меня надавить и сказал: или ты, Евгения, поступаешь куда надо или... нам тебя не надо. И я гордо ушла в степь, оставив родителям в утешение старшего брата, доучивающегося как раз там, где всем было нужно.

Я смотрел в окно. Степью там и не пахло. За Женю было немного обидно, что родители её так не оценили. Но при этом я был эгоистично рад. Не выгони её отец, она бы тут не оказалась. Хотя ведь он может и передумать, прогнуться и дочку вернуть.

– Так что, мой молчаливый друг? – спросила Женя. – Предложение снять у тебя жильё в силе?

Я кивнул:

– Конечно.

– И... сколько возьмёшь?

Что за город, на каждый второй вопрос я не знаю ответа!

Как же просто и понятно жилось раньше.

– Я вот посмотрела, – Женя набрала что-то на своём телефоне и сунула этот телефон мне. – Вот примерно ценник за комнату с прилегающей старушкой в соседней. Но, конечно, у тебя есть свои соображения. Излагай.

– Есть, – выдохнул я и назвал сумму вдвое меньше той, что в телефоне. Чтобы она уже точно не ушла. Я мог бы пустить её и бесплатно, но в последний момент испугался: тогда она точно решит, что я маньяк. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Тогда обсудим дополнительные условия?

Женя поднялась, прошла по комнатам, заглянула в санузел и всё говорила: мол, обычно договариваются о дежурствах на общей площади, делят полки в холодильнике, разрешают или нет пользоваться квартирантам микроволновкой, а иногда не позволяют развешивать бельё над ванной или приводить парней.

– Парней не надо! – в этом я был уверен. Наверное, её бельё над ванной я тоже был видеть не готов, но это стоило ещё проверить. С парнями же было всё однозначно.

– Главное, не устанавливать очередь на готовку, – заключила Женя внезапно. – Это я не потяну. Я умею только класть колбасу на хлеб. Дома готовила домработница, а я всю жизнь эстетически развивалась – художка, музыкaлка. Не научилась даже пельмени варить. Настроено?

И кивнула на пианино. Я в очередной раз пожал плечами

и мысленно себя проклял – реально веду себя как придурок из кустов, который и говорить не умеет. Маугли.

– Я не знаю, я сам тут только неделю. Вроде тётя Ира любила играть, она и учеников когда-то брала.

Женя подняла крышку и пробежала пальцами по клавишам.

– Вполне.

И что-то заиграла.

Я прислонился к шкафу за её спиной. На шее сзади у Жени была чуть заметная родинка. Я отвернулся и принялся смотреть в окно на уже успевшие осточертеть дома. Происходило волшебство. Со мной – такая девчонка! Она играет такую музыку! Пусть я и понятия не имею, что именно. Конечно, она никогда не влюбится в меня хотя бы потому, что уже закончила колледж, а значит, ей лет двадцать, я для неё наверняка просто малолетка, да ещё и дикий, даже не деревенский, а хлеще. Два жилых дома на остановочном пункте. В одном я и дед, во втором – два брата, работающие на Севере вахтами. Когда дядя Юра на вахте, дома бухает дядя Ваня. И наоборот. И третий дом, где давно и жильцов не осталось, и дом ветшает и вот-вот развалится... Я не могу ей понравиться. Я вообще вряд ли кого-то заинтересую, хотя у меня такой, как утверждает Эвелина, редкий оттенок глаз...

Сейчас я был согласен готовить Жене еду, мыть за ней пол и делать вообще всё сам, без всяких дежурств. Разве недостаточно того, что я втрескался, а объект моей первой любви

вдруг раз – и вселяется в соседнюю комнату?

– Ладно, сосед, – Женя закрыла пианино. – О дополнительных условиях поговорим, когда ты их сформулируешь. Как неопытному арендодателю даю тебе время.

Потом полезла в свою сумочку и вытащила деньги:

– За первый месяц вперёд, как полагается. Специально сняла наличку, потом скажешь номер карты.

И положила купюры на пианино, мол, вечерами в руки не дают. Я метнулся в кухню – мыть тарелки. Деньги остались на пианино.

Мыл и думал – не усну. Теперь даже краткий сон мне не светит. Буду всю ночь думать о Жене в тёткиной спальне.

Она ушла и принялась там что-то рисовать, потом я слышал, как сходила в душ и вернулась застилать кровать бельём, которое я бросил поверх покрывала. Я весь вечер прислушивался, определяя, что она делает, и собирался заниматься этим всю ночь, но неожиданно для себя вдруг отрубился и проснулся даже не раньше положенного, а от звонка будильника на телефоне.

4

– Слушай, малыш, внимательно, – Эвелина пришла в видеостудию, когда ролик с новым составом уже доснимали. – До твоих восемнадцати мы не будем делать бессмысленных движений и оформим контракт на Дениса. Как будто он такой молодец, что сам себя снимает. Деньги ты, разумеется,

получишь. Но у меня есть предложение ещё лучше.

Что могло быть лучше, мне было неясно, но Эвелине оказалось виднее.

– Съёмки – это, конечно, прекрасно, но сегодня ты нужен, завтра нет, а курьером мы тебя, прости, устроить никак не можем.

– Курьера уже взяли, я знаю.

– Курьер возит документы, – она вздохнула, и я подумал: почему, как только мы начинаем разговаривать, именно Эвелина принимается вздыхать, я её расстраиваю? – А доверять документы несовершеннолетнему никто не будет. А вот разнорабочим быть ты можешь. Согласен?

– А что надо делать?

– Всё, что скажу я, Денис, другое начальство, что Жаконя тебя попросит. Подай, принеси, унеси, поставь, помой и так далее. Вот гляди.

Я проследил за её взглядом и увидел Женю, до этого в студии не появлявшуюся. Женя тащила какую-то коробку, по виду не очень лёгкую.

– Набираем дизайнеров, которых ветром носит, – продолжила Эвелина. – И жаль, если унесёт, девчонка-то перспективная. Будешь ей помогать. Платить, конечно, много не станем. Ты же ещё и учиться очно собрался. Ну вот будешь после учёбы – сразу сюда.

Сказка, начавшаяся с вселения Жени ко мне, продолжалась. Теперь мне предлагали понятную, несложную и ста-

бильную работу, ещё и опять рядом с Женей.

– Спасибо! – сказал я искренне. Если бы я был более раскован, наверное, даже обнял бы эту тётку, сделавшую мне такой феерический подарок. Но я сдержался.

– А сегодня я ещё предлагаю тебе немного заработать, – продолжила Эвелина. – Я уезжаю на мероприятие – награждение лауреатов молодёжного поэтического конкурса. Обычно я брала с собой какую-нибудь девочку, чтобы она подержала на сцене дипломы и цветы, перед тем как их передадут победителям. Но в прошлом году дипломы сделали таких размеров, что бедолага чуть не рухнула. И я подумала – почему бы вместо девочки не взять мальчика? Постоишь где скажу, и домой.

Тут уже она не стала дожидаться моего согласия, а отправила меня к Денису, чтобы тот нашёл подходящий классический костюм.

На награждение мы поехали в Эвелининой машине. Она так ловко лавировала в потоке автомобилей, как я сам, наверное, ни за что б не смог. Или смогу потом когда-нибудь в отдалённом будущем? Пока я сидел не дыша, чтобы не помять этот рекламный костюмчик. К нему ещё и галстук прилагался, но как его завязывать, я понятия не имел, поэтому просто засунул в карман и надеялся, что Эвелина его недостачу не заметит.

Припарковались мы у какой-то кафешки, и пока я удивлялся, что место для награждения странное, Эвелина указа-

ла мне на столик и спросила, чего я хочу. И я понял – у нас ещё есть время, она заехала перекусить, а меня взяла с собой, чтобы не бросать в машине. Только я прекрасно знал – в московских кафешках еду покупать нельзя. Очень дорого. А чтобы за меня заплатила женщина – полный кринж.

– Я ничего не буду, спасибо.

Я вытащил из кармана телефон, чтобы, пока она ест, позалипать в интернете, и заодно уронил галстук, как-то за этот телефон зацепившийся. Поднимая галстук под очередным внимательным взглядом Эвелины, подумал: скорее бы уже награждение. Кажется, я использую любую свободную минуту, чтобы облажаться. Сейчас эта тётка снова вздохнёт.

Эвелина вздохнула и сделала заказ, в том числе мороженое для меня, мол, она не может есть при голодных детях. Так что придётся мне смириться и считать это подкормкой от «Дриады». Иногда в агентстве даже угощают детишек между съёмками, никто пока от этого не умер, и я не умру.

Я смирился. Ну если от «Дриады» – ладно. Мороженое было посыпано шоколадной крошкой и оказалось очень вкусным. Такого я никогда не пробовал.

– Ну что, будущий инженер, что-нибудь расскажешь о себе? Где ты живёшь, пока не поступил?

Видимо, она решила, что я бездомный сельский сирота и сейчас бомжую в ожидании общаги. Но это далеко не так. Я объяснил ей, что у меня всё в порядке. Даже если я не поступлю, что маловероятно, на улице не останусь. Работа

мне, конечно, очень нужна, но в целом я из везучих. Может, она вздыхала, потому что воображала себе какие-то ужасы из моей провинциальной жизни, а не потому, что я допускаю промахи на каждом втором действии? Я стал напирать на своё благополучие и даже счастье. Это было правдой – большую часть своей жизни я был довольно счастлив.

– В конце концов, если не поступлю, пойду в армию, а потом подам документы в вуз попроще. Да нет, я уверен – мне хватит. Физику я вообще написал лучше, чем ожидал.

– В армию, – повторила Эвелина тоном, словно я сообщил ей, что хочу прыгнуть с моста. – Ну хорошо, это всё понятно. Это планы на будущее. А что тебе на самом деле нравится? Чем ты любишь заниматься?

Наверное, она имела в виду увлечения вроде Жениных – рисование, музыку, что-то культурное и красивое. Но рисовал я неважно, петь тем более не умел. И тогда я ощутил раздражение. Нет, она хорошая тётка, явно взялась мне помогать – подработать повезла, мороженым накормила. Но что она пытается во мне откопать? И что будет, если этого нечего во мне в помине нет? Вылечу даже из разнорабочих?

– Я буду заниматься тем, чем нужно, – сказал я. – Не волнуйтесь, вас не подведу. Я быстро учусь. Говорят, я сам читать научился совсем маленьким, а в шахматах мне один раз показали, как фигуры ходят, и я всё запомнил. Вы мне скажете, как что делать и я сделаю, не сомневайтесь.

– Время, – Эвелина посмотрела на телефон, потом кив-

нула на галстук в моём кармане. – Тебе он не нужен, и так всё хорошо.

Я облегчённо выдохнул. Да и слава богу. Дед называл галстуки удавками, а у меня никогда не было ни одного.

Дипломы лауреатов поэтического конкурса действительно оказались внушительных размеров, и даже мне надоело держать эти хреновины в руках во время церемонии. Вручив же диплом главной победительнице, пришлось сразу же его у неё и забрать и стоять рядом дальше – девушка оказалась Жениного роста, но ещё более хилой комплекции, и хватило её только на удержание букета цветов.

Домой я ехал на метро, удрав, как только Эвелина меня отпустила. К себе теперь попасть хотелось как можно скорее. Я дал Жене запасной ключ от двери, на лестнице она не останется, но всё-таки... С собой с награждения я тащил два букета из тех, какими украшали зал. Эвелина сказала, что их некуда девать и придётся выбрасывать. Тогда я взял. Почему два? Чёрт его знает. Наверное, мне было неловко приехать домой с букетом. Женя может догадаться, что я в неё втрескался, а два букета дадут понять, что я с мероприятия, цветочки лишние и их жаль выбрасывать.

В подъезде мне попалась Галина Михайловна. Покачав головой, она разразилась речью о том, что сегодня был электрик, ковырялся в щитке и моя квартира теперь обесточена, что, впрочем, саму Галину Михайловну не удручает, так мне и надо, раз я вместо ответственной оплаты счетов завёл себе

бабу и покупаю ей цветы. При этом на букеты она так смотрела, что в моём мозгу мгновенно возникла ассоциация: когда-то у нас был агрессивный петух, и чтобы пройти мимо него за куриными яйцами, сначала надо было закидать этого петуха жратвой, чтобы он отвлёкся. Так что я протянул один букет соседке, хотя и думал о ней в тот момент нехорошо. Букет она сцапала, продолжая ворчать о безголовой молодёжи.

Женя была уже дома и... не одна.

– Прости, арендодатель, – виновато проговорила она. – Вчера я не взяла из дома Кешу, потому что в мастерской его никто б не потерпел. Но оставить его с родителями я не могу, вдруг папенька психанёт и тоже выставит его на улицу, а Кеша не сможет найти себе съёмное жильё по понятным причинам...

Кеша бегал по клетке на кухонном столе, его рыже-белые бока свидетельствовали об отличном питании. И раньше я бы сказал – фу, крыса. Хомяки в клетках меня никогда не привлекали. Но теперь про себя назвал Иннокентия не крысой, а именно хомяком и сразу с ним смирился.

– У тебя же нет аллергии? – уточнила Женя.

– Понятия не имею, я не жил с хомяками. Но пока задохнуться вроде бы не планирую. А вот цветы – это с награждения, я взял для тебя. Красивые же?

И тогда Женя совершила немислимое – потянулась ко мне, чмокнула в щёку и сказала: мол, я настоящий мужик,

раз без проблем принимаю женщину с ребёнком, да ещё дарю цветы. И Вселенная мой этот подвиг оценит по достоинству.

Хомяк вместе с клеткой отбыл в Женину теперь комнату, я выбрался из костюма, постаравшись сложить его так, чтобы не помять, и отправился на кухню, радуясь, что именно тёткин панельный дом – пятиэтажка, говорят, что в девятиэтажных, видимых в окна, – электрические плиты. У нас же газ, и согреть чайник можно и без света.

– Лампочка перегорела, – в ту же минуту предположила Женя, пойдя в ванную.

– Это не лампочка перегорела, это конец света, – признался я. – Нас отрубили за долги. Надо поискать свечи или купить, если не найдём.

– Романтично, – хихикнула Женя. – Цветы, свечи. Немного не хватает шампанского. Ты, кстати, как, пьёшь – не пьёшь? Мой бывший, например, без пива жить не мог. Поэтому и бывший.

– Пиво – хрень, пьёшь – и ни денег, ни градусов, – процитировал я деда.

– Ещё немного, и я решу, что ты идеальный. Что ж, ищем свечи.

И мы принялись перерывать шкафчики на кухне. Женя снизу, я – верхние. В одном из верхних нашлись и свечки, и лампочки. Спасибо тёте Ире. Хотя, конечно, теперь с оплатой долга тянуть было никак нельзя. Я вспомнил про Жени-

ны деньги, так и лежащие на пианино, и решил завтра же отдать их энергетикам. А получу за съёмки – отделаюсь и от остальных поставщиков.

– А у вас в деревне как? – спросила Женя, наливая чаю и извлекая из грустно примолкшего холодильника что-то, купленное, видимо, в кулинарии. – Чайник на печке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.